

**Отзыв официального оппонента на диссертацию иеромонаха Тихона (Воробьева К. В.)
«Акафист Пресвятой Богородице в греческом и славянском богослужении
византийского обряда (IX–XV вв.)»,
представленную на соискание ученой степени кандидата богословия**

Диссертация иеромонаха Тихона посвящена истории богослужебного употребления одного из знаковых произведений византийской гимнографии – Акафиста Пресвятой Богородице (далее, «Акафиста»). Диссертант пытается обнаружить истоки возникновения Акафиста, как богослужебного текста, его связь с различными военными событиями в византийской истории, а также историю становления и развития практики совершения Акафиста в пятую субботу Великого поста (далее, «похвала Богородицы»). **Актуальность** данной темы определяется, с одной стороны, важным значением Акафиста для православного богослужения и центральным местом похвалы Богородицы в современном великопостном цикле, с другой стороны – нынешней доступностью обильного количества рукописных материалов, делающей возможным пересмотр ряда выводов о происхождении и истории Акафиста, высказанных ранее.

Содержание диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка сокращений и списка источников и литературы, содержащего 199 наименований. В введении к диссертации сформулированы актуальность исследования, указана степень научной разработанности проблемы, сформулирована проблема исследования, представлены цель, объект и предмет исследования. Далее указаны гипотеза, задачи и методология исследования; приведены положения, выносимые на защиту (их восемь; впрочем, положение три является тривиальным результатом положения один). Наконец сформулированы научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования.

В **первой главе** диссертации приводятся общие сведения об Акафисте. К сожалению, в определении этого произведения гимнографии присутствует некоторая терминологическая путаница: по утверждению диссертанта (с. 16), Акафист «состоит из краткой вступительной строфы – собственно кондака – и 24 икосов». Однако «кондаком» обычно называются как раз многострофные произведения, а вступительная строфа таких кондаков называется «проимием» или «кукулием» (см. статью Кондак в Православной Энциклопедии; далее, «ПЭ»). Далее, диссертант пишет (с. 17), что нельзя считать «акафист близким по форме к константинопольским гимнам (которые принято называть «кондаками») ... так как строфы этих гимнов объединяет одна ритмическая модель и рефрен». Все же Акафист – в своей первоначальной форме, т. е. без «хайретизмов» – был кондаком (ср. статью Акафист в ПЭ), и это следует из предпринятого автором метрического анализа в Таблице 1. Вообще поэтика и метрика Акафиста достаточно подробно описаны в упомянутой статье в ПЭ (отдельно см. также труды Ж.-Б. Питры, П. Мааса, Ж. Гросдидье де Матона), здесь диссертант не привносит ничего нового, за исключением, быть может, гипотезы о связи Акафиста с творчеством сщмч. Мефодия Патарского, которая кажется маловероятной, т. к. согласно сложившемуся научному консенсусу и вопреки взглядам Ж. Гросдидье де Матона, кондак имеет сирийское происхождение.

В следующем разделе диссертации автор описывает порядок употребления Акафиста в современном богослужении Русской православной церкви, а также в старообрядческом богослужении и в богослужении греческих церквей. В разделе 1.3 диссертант рассматривает взгляды на происхождение Акафиста в трудах А. И. Пападопуло-Керамевса, М. Теарвика, И. А. Карабинова, П. Мааса. Как показывает диссертант (с. 45–46), мнение о связи Акафиста и похвалы Богородицы с праздником Благовещения выдвинули П. Маас и И. А. Карабинов, и предложенная И. А. Карабиновым «теория выглядит довольно убедительной, однако требует пересмотра и уточнения». По всей видимости точка зрения И. А. Карабинова подтверждается диссертантом (ср. положения два и семь, выносимые на защиту), хотя это нигде в диссертации точно не сформулировано. Далее диссертант рассматривает исследования Акафиста в западной литературе XX в.: в трудах Н. Каппуинса, М. Югло, Г. Мерссемана, Э. Веллеса,

Н. Паттерсон-Шевченко. Обзор литературы в целом сделан правильно, в него вошли все основные работы по данной тематике.

В следующем разделе диссертант рассматривает небогослужебные источники об установлении ежегодного пения Акафиста. В результате диссертант приходит к выводу, что «богослужение, на котором совершался акафист, существовало как часть Благовещенского цикла» – выводу, ранее указанному в работах П. Мааса и И. А. Карабинова. Новым здесь является предположение автора о связи похвалы Богородицы с Влахернским храмом и иконой Божией Матери Одигитрия (с. 76–77; ср. четвертое положение, выносимое на защиту).

Во **второй главе** диссертации рассматривается история богослужебного употребления акафиста в византийском обряде по греческим памятникам. В работе приводятся все основные памятники, которые обычно задействованы в историко-богослужебных исследованиях. В разделе 2.2 автор рассматривает употребление Акафиста в кафедральной константинопольской традиции. Очевидной лакуной в данном описании является отсутствие упоминания об употреблении кондаков в константинопольском богослужении (см. выше о связи Акафиста с кондаками): согласно Синаксарю Oxford, Bodl. Auct. E. 5 10, который является кипрской адаптацией константинопольского Синаксаря, кондак прп. Симеону Столпнику исполнялся 1 сентября после паннихис (ср. *Mateos J. Le Typicon de la Grande Eglise*. Т. I. P. 4; см. также *op. cit.*, Т. II. P. 301). По всей видимости, первоначальным *Sitz im Leben* кондаков было как раз кафедральное бдение в Константинополе, и употребление Акафиста на паннихис в памятниках IX–XI вв. является отголоском этой практики (см. об этом *Lingas A. The Liturgical Place of the Kontakion in Constantinople // Литургия, архитектура и искусство византийского мира.* / Ред.: К. К. Ацентьев. СПб., 1995. С. 50–57). Весьма возможно, что Акафист был предназначен для бдения под Благовещение, и его перенос на похвалу Богородицы связан с особенностями великопостного богослужения. Таким образом неверно говорить об отсутствии таких богослужений в «доиконоборческой константинопольской традиции» (с. 95), т. к. паннихис в Синаксаре Великой церкви как раз присутствует в те дни, для которых были составлены и древнейшие кондаки, т. е., хотя сам кондак к IX–XI вв. почти пропал из константинопольского богослужения, литургическая структура, в рамках которой он исполнялся, еще сохранялась (ср. также *Lingas A., op. cit.*, P. 54–55).

В разделе 2.3 рассматривается употребление Акафиста в монастырском богослужении. В данном разделе описание богослужения похвалы Богородицы по Евергетидскому синаксарю ошибочно: на утрене должна быть кафизма «16», а не «18», как у диссертанта (с. 96), после которой конечно же исполняется «κἀθίσμα» (т. е. седален), а не канон Октоиха (см. *Jordan R. The Synaxarion of the Monastery of the Theotokos Evergetis. March to August. The Moveable Cycle (=ВВТТ 6).* Belfast, 2005. P. 438 и критический аппарат). Ошибка вызвана цитированием Евергетидского синаксаря по устаревшему изданию А. А. Дмитриевского, а не по новому изданию Р. Джордана, и привела диссертанта к неверным выводам (с. 209): «предписание ... исполнять еще один канон с акафистом после канона Октоиха говорит о вынужденной вставке основных элементов богослужения акафиста в чинопоследование субботней великопостной утрени» – это, конечно, не так, и «канон Октоиха» на этом богослужении не исполнялся. Это приводит также к ошибочному сравнению с типиконом монастыря Христа Человеколюбца (с. 98 диссертации).

В следующем подразделе рассматривается употребление Акафиста в списках иерусалимского устава. Отмечу, что задействованные здесь рукописи почти все выложены на сайте Библиотеки Конгресса США, так что по ним можно проверять издание А. А. Дмитриевского, а рукопись Синай, гр. 1094 издана (*Lossky A. Le Typicon Byzantin: édition d'une version grecque partiellement inédite...* Paris, 1987). Материал в этом подразделе задействован несколько хаотично, например из рукописей «базовой» редакции просмотрен только список РГБ ф. 270, №35, хотя к этой же редакции относятся типиконы Синай, гр. 1095, Иерусалим, св. Савва 628 и св. Креста 106 (доступные на сайте Библиотеки Конгресса). Впрочем, вывод диссертанта, что «фиксация чинопоследования богослужения акафиста, идентичного актуальной литургической традиции, относится к XIII веку и содержится в появившейся тогда «базовой» ре-

дакции Иерусалимского устава» (с. 115) в целом верен. Пожалуй, можно поспорить с выводом диссертанта, что «интеграция акафиста в утреню произошла вследствие более поздней адаптации константинопольской панихиды к монастырскому чинопоследованию» (с. 120) – скорее как раз пресвия является адаптацией кафедрального панихис к монашескому богослужению, а на утрене акафист появляется в тех памятниках (напр., в САУ), в которых пресвия или ее аналог отсутствует (ср. первое положение, выносимое на защиту).

В разделе 2.5 рассматривается употребление Акафиста в гимнографических сборниках, преимущественно в Постной Триоди (ПТ). Здесь классификация рукописей ПТ приводится по И. А. Карабинову, но ссылки на классификацию непонятны (см., напр., сноску 327 и далее; скорее всего автор опирается на *Карабинов И. А. Постная Триодь. С. 211–212*, однако номера страниц также приведены неправильно). Из таблицы задействованных источников (Таблица 9 на с. 124) непонятно, какие памятники были просмотрены диссертантом *de visu*, какие в фотографиях, какие приводятся лишь по описаниям, непонятно также, на чем основаны датировки памятников (помимо каталога Гардтхаузена, см. каталог синайских рукописей В. Н. Бенешевича, опись К. Кларка, ресурс <https://pinakes.irht.cnrs.fr/>). О рукописи БАН РАИК 6 см. более новый каталог *Лебедева И. Н. Описание рукописного отдела Библиотеки АН СССР. Т. 5. Л., 1973*. Для рукописи ГИМ, Син. Греч. 217 следует указать шифр как по каталогу архим. Саввы, так и по каталогу архим. Владимира, а также уточнить палеографические данные по каталогу Б. Л. Фонкича и Ф. Б. Полякова (с. 137 диссертации). Также в данном разделе присутствуют некоторые ошибки в греческом тексте, напр., «κ[αὶ] τοῦ ἀ[γίας] τῆς ἡ[έ]ρ[α]» (sic., с. 138) – непонятно, являются ли они ошибками в рукописях (тогда следовало бы пометить их замечанием «sic»), или ошибками автора. Ошибки также присутствуют и в наборе церковнославянского текста (напр., *Бѣѣ, мѣрѣ на чѣбѣ надѣѣтѣѣ* – должно быть на чѣѣ или на чѣбѣ, также *вѣѣѣѣѣ* – должно быть *вѣѣѣѣѣ*), и т. д. (см. с. 135). Данные ошибки не влияют на выводы автора, но остается непонятно, приведенный инципит является инципитом аналогичных славянских текстов в современных богослужебных книгах, или авторским переводом с греческого. Что же касается греческого текста Акафиста, размещенного в Таблице 15 и последующих таблицах (см. с. 182 и далее), то непонятно, по какому источнику он приводится и почему не приводится критический аппарат по изданию Папагианиса, известному диссертанту (см. пункт 197 в списке литературы).

В **третьей главе** диссертации рассматривается история употребления Акафиста в славянском богослужении. Типология славянских богослужебных книг раннего периода приводится по системе А. М. Пентковского (с. 148–150). Далее автор употребляет терминологию М. А. Моминой (напр., «гимовская» редакция), но не поясняет ее (с. 155). С некоторыми типологическими воззрениями диссертанта никак нельзя согласиться: например, в Путятиной Минее (РНБ, Соф. 202) наблюдается т. н. «обратный порядок» (т. е. канон, затем стихиры и седалны), в то время как в Минее РГАДА, Тип. 106 порядок текстов иной (седален, затем стихиры, затем канон), тем самым она ближе типологически как раз к Типографским Минеем, изданным В. Ягичем, чем к Путятиной Минее и Ильиной Книге (с. 180). Таким образом, хотя достаточно убедительно показано, что РГАДА, Тип. 106 относится к «нестудийскому» комплекту книг, схожесть этой рукописи с Ильиной Книгой и Триодью Моисея Киянина остается лишь предположением (с. 195), а связь РГАДА, Тип. 106 с богослужебной традицией Эпира (с. 196) – гипотезой. В любом случае, вывод автора, что в «древнерусской традиции ... практика исполнения полного текста акафиста на Благовещение и отсутствие его исполнения Великим постом не получила широкого распространения и развития» (там же) противоречит другому выводу автора (точнее, выводу А. М. Пентковского), что «оригиналами для славянских переводов богослужебных книг были греческие книги, связанные с литургической традицией на территории юго-западной Македонии, северо-западной Греции и Южной Албании» (с. 195), в которых «богослужение акафиста не совершалось Великим постом» (с. 196). Скорее всего практика исполнения Акафиста на Благовещение в РГАДА, Тип. 106 просто является отголоском более древней практики, сохраняющейся дольше на периферии византийского культурного пространства. Наконец в разделе 3.5 рассматривается

употребление Акафиста в славянских списках иерусалимского устава (из указанных памятников не понятно, что просмотрено автором *de visu*). Здесь исследование построено правильно, но для полноты картины хотелось бы увидеть его завершение рассмотрением порядка исполнения Акафиста в «афанасьевской» редакции славянского Типикона.

Заключение диссертации во многом резюмирует выводы предыдущих глав. Положения, обсуждаемые в заключении не совсем четко коррелируют с положениями, выносимыми на защиту, которые следовало бы прокомментировать в заключении. За заключением следует список источников и литературы, тематическое, а не алфавитное размещение единиц в котором несколько затрудняет пользование им.

Основные результаты диссертации представлены в пяти публикациях (общим объемом 3,6 а. л.), из которых три изданы в рецензируемых изданиях, входящих в «Общecerковный перечень рецензируемых изданий, в которых должны публиковаться результаты исследований соискателей церковных ученых степеней» в редакции, утвержденной Высокопреосвященнейшим Митрополитом Волоколамским Иларионом 09.03.2017, а две – в изданиях, входящих в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» в редакции от 12.02.2019 № 21-р., однако список публикаций, указанных в автореферате (на с. 20) не совпадает со списком публикаций, указанном в диссертации (на с. 225) – в диссертации представлено шесть наименований, в автореферате – пять, а ссылки на работы «Богослужение Субботы акафиста в славянских Триодях XII–XIV вв.», «К истории богослужения акафиста: мартовская минея из Типографского собрания РГАДА» и «Осада Константинополя 626 года и богослужебная память Субботы акафиста» в диссертации отсутствуют вовсе, несмотря на то, что они указаны в списке литературы. В остальном содержание автореферата соответствует содержанию диссертации.

Выявленные замечания не носят принципиального характера, скорее указывая на сложность выбранной диссертантом темы, требующей привлечения огромного массива историко-литургических документов и их правильной и иной раз не очевидной классификации. Диссертация посвящена актуальной теме, выводы достоверны и исходят из просмотренного репрезентативного рукописного материала и изученной вторичной литературы. Исследование вносит ощутимый вклад в понимание истории Акафиста и богослужения похвалы Богородицы. Таким образом исследование иеромонаха Тихона (Воробьева К. В.) соответствует требованиям, изложенным в «Положении о кандидатских диссертационных советах в Русской Православной Церкви», утвержденном Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Кириллом 13.03.2015, а автор заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата богословия по специальности «историческая литургия».

Андреев Александр,
кандидат теологии, кандидат богословия,
доцент кафедры древних языков,
Религиозная организация —
духовная образовательная организация высшего образования
«Санкт-Петербургская Духовная Академия
Русской Православной Церкви»

20.11.2019 г.

Благословие руки
заверю.
Зав. кафедрой
© Точка
20.11.2019

Александр